

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2007

Иллюстрации: Юлия Хоменко (Yugiko88)

Рассказ был опубликован в журнале "Legion" №27 (01.01.2008)

Взгляните на воронов

«Взгляните на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их; сколько же вы лучше птиц?»

— Лука 12:24

Грозовая туча закрыла небо и нависла над городом, остановившись над серым кубическим зданием, словно зацепившись за высокий медный флагшток, установленный на его плоской крыше.

Гвардейцы построились в две шеренги, двумя белыми ординариями разделив просторный плац внутреннего двора. Облаченные в одинаковые серебристые мундиры, они были похожи на непогрешимых небожителей, спустившихся на брэнную землю. Лишь чернели на плечах погоны с красно-коричневой, как ржавое железо, подложкой, и блестели начищенные высокие ботинки.

— Вандализм на кладбище! — продолжал громко говорить полковник, прохаживаясь между шеренгами гвардейцев. — Было разрыто еще несколько могил. Необходимо удвоить патрули...

...Заморосил редкий дождь. Белые волосы Карасу быстро промокли, дождевая вода блестящими струйками стекала по впалым щекам, капая с острого подбородка.

— Поступили донесения о происшествиях в следующих районах города...

Карасу окинул взглядом своих товарищей. Другие гвардейцы стойчески переносили непогоду — никто из них не шевельнулся, не чихнул, ничем не выдал своего недовольства...

— В связи с этим я назначаю дополнительные патрули по внешнему кругу: в садах Анкоку, роще скорби...

Полковник стал поочередно вызывать гвардейцев.

— Капитан Карасу!

Альбинос вышел из строя, равнодушно глядя на своего командира большими красными глазами, сверкающими из-под густых белых бровей.

— Поступило донесение из садов Анкоку. Очевидцы утверждают, что в заброшенном здании доходного дома Ями поселилась нечисть.

Карасу молча кивнул.

— Твоим напарником будет Судзумэ.

— Новобранец? — спросил альбинос, услышав незнакомое имя.

— Я решил, что ты сможешь обучить его, — подтвердил полковник.

Судзумэ оказался высоким, почти на голову выше низкорослого Карасу, темноволосым молодым человеком с изящными чертами лица.

Он не отрывал глаз от Карасу, особенно пристально разглядывая высокий мягкий воротник его мундира, в окантованной серебром левой петлице которого сияла плоская офицерская звезда. После того как полковник завершил инструктаж, они направились к выходу из огороженного стеной внутреннего двора штаб-квартиры.

— Ты готов немедленно отправиться в Анкоку? — спросил Карасу.

Судзумэ кивнул.

— Тогда идем.

Дождь продолжал орошать опустевшие улицы, когда они вышли в город через ворота в высокой каменной ограде. Некогда это была крепостная стена — последнее живое напоминание о Великой Войне. После того, как вокруг старой цитадели вырос город, стена обветшала и покрылась длинными трещинами.

— Для меня большая честь работать с вами...

— С тобой, — поправил гвардеец.

— Что? Простите, я не...

— Работать с тобой, — терпеливо повторил Карасу. — Я не люблю формальностей.

С приходом осени деревья быстро сбросили пышный наряд. В садах Анкоку, окруженные деревьями и зарослями кустов, стояли мертвые фонтаны, бассейны которых покрывала палая листва. Лишь на ветке одинокого клена удержался алый листок — кровавый мазок, трепещущий на холодном ветру.

Доходный дом Ями был двухэтажным зданием из песчаника с плоской деревянной крышей, которая начала прогнивать из-за постоянных проливных дождей. Здание окружала роща карликовых грязно-зеленых елей.

— Я пойду первым, — сказал Карасу, когда они вышли на узкую, посыпанную белым гравием тропинку, выющуюся между деревьев к крыльцу дома.

Судзумэ с опаской покосился на плачущего гипсового фавна, спрятавшегося среди кустов.

— Здесь много нелепых скульптур, — пояснил Карасу.

Капитан взбежал по ступенькам на крыльцо и толкнул дверь.

— Заперто? — спросил Судзумэ.

— Нет... — Карасу стукнул по двери ногой, — дерево сгнило.

Он несколькими сильными ударами вышиб дверь, разлетевшуюся мягкими щепками.

— Если дверь не открывали, значит, в здание никто не входил. — Заметил Судзумэ.

— Не совсем так, — Карасу поднял указательный палец к небу. — Окно на втором этаже открыто.

Судзумэ запрокинул голову.

— Но зачем...

— Тише! — Карасу резко поднес палец к губам. — Мы и так достаточно нашумели.

...Внутри здания было прохладно. Затхлый, влажный воздух заставил Судзумэ закашляться. С круглой люстры, зависшей под потолком на массивной цепи, белыми комьями свисала паутина. Карасу, держа в руке отстегнутые от пояса ножны с мечом, уже поднимался по металлической винтовой лестнице. Судзумэ, окинув взглядом разгромленную дежурку, последовал за ним.

На втором этаже они попали в длинный коридор, пол которого устлала пожелтевшие листки бумаги. Вдоль коридора тянулся ряд дверей с одинаковым узором в виде цветущей вишни. Последняя, пятая дверь была приоткрыта. Гвардейцы Карбоблона осторожно приблизились к ней. Карасу вопросительно посмотрел на своего напарника. Судзумэ кивнул.

Карасу с размаху ударил трухлявую дверь ногой и ворвался в комнату.

Свет пробивался сквозь щели в заколоченном окне, освещая фигуру в длинном, грязном коричневом плаще, сгорбившуюся в центре начерченного на полу мелом круга.

Застывшая фигура вздрогнула, из-под засаленной полы плаща высунулась когтистая лапа и начала торопливо, неуклюже перебирать разбросанные по полу обглоданные косточки.

— Hel-runir! — выкрикнул Судзумэ, поспешно закрывая руками лицо.

Карасу резко поднял руку — алые лучи сорвались с его тонких пальцев и сплелись в центре ладони, образовав вспыхнувшую на мгновение пятиконечную звезду. Существо в плаще взвыло, вскочило и бросилось на него. Карасу грациозно уклонился и обнажил тонкий прямой меч, сверкнувший в полумраке серебряным лезвием. Судзумэ схватил врага за

край плаща и сдернул грязную тряпку, обнажив лоснящееся, покрытое колючими серыми перьями тело.

Громадная сова-оборотень, застывшая в превращении между человеком и птицей, щелкнула клювом и захрипела: «хагац... хагац!»

— Судзумэ, перекрой дверь, — приказал Карасу, не сводя глаз со страшного противника.

Юноша, отгораживаясь от шипящего оборотня мечом, попятился к двери.

— Ты понимаешь, кто мы? — как можно разборчивее произнес Карасу.
— Ты знаешь, что такое Карбоблон?

Левой рукой он погладил серебряную звезду, сияющую на воротнике белого мундира.

— Хагац!

Сова завертелась, закутываясь в подхваченный плотный плащ, развернулась и, выбив заколоченное окно, упала вниз, оставив на вывороченной оконной раме пятна свежей крови. Карасу перегнулся через подоконник, вглядываясь в черное скопление деревьев, между которыми стремительно мелькала удаляющаяся тень.

— Ушел! — Судзумэ разочаровано хлопнул ладонью по стене.

— Ты молодец — распознал знак разрушения, — похвалил капитан.

— Это останки детей, — молодой гвардеец ногой разбросал сложенный на полу страшный знак. — Меня чуть не вырвало...

Карасу кивнул. Открыв кожаную поясную сумку, он, наклонившись, начал бережно складывать в нее белые кости.

— Что вы делаете?!

— Глупо не использовать такой мощный ставур, — заметил альбинос.
— Будет справедливо, если убийца погибнет, пораженный силой возмездия его жертв.

Судзумэ нехотя согласился.

Когда они вышли из здания, начало темнеть. День подходил к концу.

— Думаете... — начал Судзумэ.

Карасу резко поднял руку.

— Ты думаешь, — покорно поправился юноша, — стоит еще раз обыскать сады Анкоку?

— Оборотень мог затаиться неподалеку... — предположил Карасу. — А мог улететь на другой конец города и спрятаться на чердаке какого-нибудь заброшенного здания.

«Что не так уж далеко от истины».

— В любом случае, сейчас искать его — не наша забота.

— Карасу, Судзумэ! — окликнул их знакомый голос.

Две маленькие тени, стремительно увеличиваясь и меняя форму, сползли по стене противоположного дома. Зашелестели крылья. Карасу обернулся. Два человека в белой гвардейской форме низко поклонились ему.

— Полковник требует вашего присутствия. Судзумэ — ты первый. Пойдешь с нами.

— Я могу привести себя в порядок? — осведомился Карасу, указывая на свой разорванный плащ.

— Мы просим вас не задерживаться.

— Вы требуете, — поправил его Карасу. — Не пытайтесь быть вежливым, мы на службе.

...Он поднялся на верхний этаж жилого здания по длинной, замусоренной лестнице, огороженной узорчатой решеткой. Металлическая дверь в его жилище была приоткрыта. Пошаркав грязными ботинками по коврику, он вошел, закрыл за собой тяжелую дверь и защелкнул замок. В прихожей на вбитом в стену крюке висел знакомый плащ.

— Привет, сестренка, — Карасу устало потянулся и отстегнул от поясного ремня стягивающую плечи кожаную портупею, положив оружие на кадку с завядшими цветами. — Почему ты не поливаешь цветы?

— Я поливаю! Оттого они и вянут...

Закинув ногу на ногу, девочка лежала на кушетке, держа в согнутых руках толстую книгу в потрепанном сером переплете. При виде Карасу она оставила чтение и безмятежно улыбнулась.

— Уже вернулся?

Посреди просторной комнаты, собирая капающую из дыры в потолке дождевую воду, стояла покрытая трещинами чугунная ванна. Карасу присел на ее край, устало зачерпнул ладонью грязную, с запахом металла, воду и протер лицо.

— Хотел еще немного поговорить с Судзумэ, но его отозвали... — холодная капля попала Карасу за шиворот. Он повел головой, разминая затекшую шею. — Видимо, опасаются, что я плохо подействую на его энтузиазм.

— Судзумэ — это твой новый напарник? — спросила Фукуро.

Карасу молча кивнул.

— Будешь ужинать?

— Приготовь немного...Я скоро уйду, меня хочет видеть полковник, — он оглядел комнату.

На круглом столике лежал запечатанный конверт. Карасу внимательно осмотрел отпечаток когтистой лапы, оставшийся на поверхности стола. Он взял конверт, повертел его в руках и посмотрел на сестру.

— Видимо, для тебя оставили, — хихикнула девочка.

— Ты неисправима, — упрекнул ее Карасу, — сколько раз я просил не оставлять дверь открытой? Соблюдай элементарную осторожность!

Фукуро равнодушно пожала плечиками.

Он вскрыл конверт и быстро прочитал короткое послание: «встретимся сегодня ночью в роще скорби».

Медленно разрывая письмо на мелкие клочки, Карасу вышел на балкон, глядя на раскинувшуюся вокруг панораму города. Держась одной рукой за перила, он рассыпал клочки бумаги, тут же подхваченные ветром. Он не боялся, что это заметят — с земли застывший на балконе гвардеец выглядел не более чем хрупкой крошечной фигуркой, затянутой в белый шелк.

...С далеких, переполненных солью и пеплом полей, выжженных Великой Войной, возвращалась стая воронов.

— Как не во время, — отстраненно заметил Карасу, глядя на стремительно чернеющий горизонт.

Фукуро ахнула, вскочила с кровати, бросив книгу.

— Не волнуйся. Кроме меня, в этом районе сейчас нет гвардейцев Карбоблона, — безрадостно улыбнулся Карасу.

Хищно каркая, птицы нападали на прохожих, не успевших спрятаться за каменными стенами домов. Окружали бегущих людей, набрасываясь стаей, валили их на землю, щелкая клювами и забивая крыльями...

Альбинос неторопливо обнажил услужливо поданный сестрой меч.

Первая птица, далеко оторвавшись от своих собратьев, протяжно каркнула, не успела увернуться, и, испачкав блестящие металлические перила кровью и липкими обрывками перьев, упала в переплетение далеких черных улиц. Клинок описал дугу, окрашиваясь алым. Он рубил несущуюся мимо сплошную черную массу, сотканную из тысяч птиц, чудовищным червем извивающуюся между стен домов. Он колот и резал, пока весь балкон не покрылся мокрыми от крови, сверкающими вороньими перьями.

Когда стая унеслась, вспотевший Карасу, тяжело дыша, повалился на колени, опираясь на эфес затупившегося меча. Девочка выскочила и обняла брата, обвив его мокрую шею тонкими белыми руками.

— Все в порядке, — прошептал Карасу.

Сестра отпустила его, забежала в комнату и подняла оброненную книгу.

— Что ты читаешь? — поинтересовался гвардеец.

— Сказку.

— Сказку? — недоуменно переспросил Карасу.

— Не спеши смеяться — эта сказка тебе непременно понравится. Она называется «Сова и ворон», — Фукуро улыбнулась, открыла книгу и начала читать:

«Давным-давно могла сова летать днем, не опасаясь ничего...»

Когда он вышел на улицу — вновь начался дождь. Сильный ветер разбрасывал потоки холодных капель.

Карасу шел по опустевшим улицам. Оброненный зонтик, скатившийся в сточную канаву, блестел погнувшимися металлическими ребрами. Осколки выбитого стекла хрустели под ногами. На груде трупов, усердно чистя перья,

устроился огромный черный ворон. Карасу улыбнулся птице, та каркнула в ответ, и, расправив крылья, поднялась в воздух, зажав клювом белесый человеческий глаз...

«В те времена сова занималась тем, что раскрашивала других птиц...»

...Просторный кабинет, окна которого смотрели на север, был обставлен с присущей Карбоблону помпезной роскошью. На стене висела картина в золотой раме, на которой был изображен прикованный к скале титан, терзаемый орлом. Широкие дубовые шкафы ломились от книг, блестящих золотым тиснением толстых корешков.

Карасу ступил на мягкий, пушистый ковер.

Командующий гвардией стоял спиной к двери, возле высокого дубового стула, напоминающего древний трон, на каких восседали правители, повелевавшие огромными империями. Рядом с ним на столе была установлена миниатюрная модель города. Макет был выполнен идеально — вплоть до мельчайших деталей. Карасу разглядел даже шпили на крышах зданий, крохотные редкие деревца, гладкие колонны и статуи...

В центре города возвышался серый куб, увенчанный бело-голубым флагом. Эмалированный стяг застыл, развеваемый невидимым ветром.

Капитан наклонился над столом, с интересом разглядывая макет.

— Ты промок, Карасу. Не стоит без зонта гулять под ливнем, — не оборачиваясь, заметил полковник.

Он смотрел в створчатое окно, за которым простирались серые, безжизненные улицы, опустевшие после вороньего пира. Для него игрушкой был не только город, установленный на столе, но и вид из окна.

«Слетались к сове птицы, и красила сова их в тот цвет, какой они пожелают: в красный, синий, бирюзовый, желтый...»

— Посмотри, — не оборачиваясь, приказал полковник, — это — мир ужаса. Узкие переулки, темные улочки, глубокие катакомбы. Город был нарочно построен таким образом, чтобы стать идеальным пристанищем Тьмы.

Карасу задумчиво оглядел макет, тщетно пытаясь отыскать в хаотичном переплетении зданий свой дом.

— Мы — его хранители, — продолжил командующий. — Мы стоим на страже. Ты помнишь, для чего существует Карбоблон?

— Я помню.

— Сдерживать тьму, не дать ей вырваться на волю... — полковник стиснул кулаки. — Мы — последний гарнизон Объединенного Царства. Единственное, что стоит между силами разрушения и беззащитными землями, отвыкшими от войны.

— Я слышал, что люди сейчас рассказывают сказки о владычестве приспешников Тьмы...

— Нам посчастливилось жить в мире, где силы Света одержали убедительную победу, — кивнул полковник. — Наши предшественники жили неопределенностью. Неуверенные в исходе вечного противостояния, они не могли даже помыслить о счастливом будущем и путях его достижения.

Он обернулся, взглянул на Карасу и властным жестом провел рукой над макетом города.

— Их задачей было сохранить для нас настоящее. Но благодаря нам дети смогут построить свое собственное счастливое будущее. Карбоблон — их защитник, гарант порядка и спокойствия! В это сложно поверить, но до меня дошли... тревожные известия. Якобы среди гвардейцев, в самой сердцевине нашего содружества, появились те, кто оспаривает право Карбоблона на борьбу с силами Тьмы.

Лицо командующего исказила гримаса ярости.

— Эти черви стремятся изгадить плод нашего труда изнутри! — выкрикнул он, ударив кулаком по столу. — Опасная зараза, которая отравляет сознание детей!

— Всего лишь слухи... — осторожно заметил Карасу.

— Возникновение таких слухов само по себе — мерзкое преступление, — перебил командующий.

— Вы кого-то подозреваете, полковник?

Седовласый мужчина смерил Карасу оценивающим взглядом.

— Речь идет не просто о банальном заговоре, — проговорил он. — Будь это борьба за власть или награды, дележ выделенных на содержание города средств... я бы мог понять. С таким мы сталкивались много раз.

«И сами принимали в этом участие», — подумал Карасу.

— Но, судя по дошедшим до нас сведениям...

«...Хотел бы я знать их источник».

— Все намного сложнее и опаснее. Преступление заключается не в использовании наших идеалов в личных, корыстных целях...

«Что случается постоянно».

Карасу порадовался, что полковник не обладает способностью читать мысли — сохранять серьезность стоило больших усилий.

— ...Но о полном отрицании целей и идей существования Карбоблона!

Карасу постарался придать себе возмущенный вид.

— Невозможно!

— Невероятно, но это так, — заключил командующий гвардией. — Я думаю, тебе, Карасу, неоднократно доказывавшему свою верность истинным идеалам Света, не следует объяснять, насколько гнусно и отвратительно это извращение — оспаривать необходимость защищать мир от порождений Тьмы.

— Вы хотите, чтобы я занялся поиском предателей? — предположил капитан.

— В этом нет необходимости, — ответил полковник. — Ты нужен нам как опытный гвардеец, а не плохой соглядатай. Достаточно того, что ты осведомлен об опасности и будешь осторожен. В особенности, осторожен с близкими тебе людьми. Я слышал, с тобой живет сестра...

— Мы не родня, — быстро сказал альбинос, — я подобрал ее на улице семь лет назад. Во время вороньего пира.

— Что тебя связывает с этой девчонкой?

— Она мой друг. Ты ведь знаешь, что такое «друг»?

— Ты уделяешь слишком много времени и сил своей... дружбе, — полковник смерил Карасу неприязненным взглядом. — Разумнее надеяться только на себя.

— Дружба бывает надежной, — возмутился Карасу.

— Правда? — полковник улыбнулся. — Неужели тебя ни разу не предавал человек, которому ты доверял?

— Если смотреть на все с такой точки зрения...

— Если все зависит только от точки зрения, — перебил командующий, — то любовь и ненависть — всего лишь две крайние формы самообмана.

Карасу промолчал.

— Вы свободны, капитан, — после неловкой, долгой паузы проговорил полковник.

У ворот, прислонившись спиной к деревянной полосатой будке сторожки, стоял Судзумэ. В согнутой руке он держал кружку с горячим чаем.

При виде Карасу юноша выпрямился и смущенно улыбнулся.

— Отдыхаешь после тяжелой работы?

Карасу оглядел лежащие на улице трупы, покрытые глубокими ранами. Судзумэ перехватил его взгляд и нервно кивнул.

— Мы не позволяем им защищаться, — произнес Карасу. — Они умирают, чтобы мы могли наслаждаться видом крови. Если мы забудем, как выглядит чужая кровь — исказится смысл нашего существования.

Судзумэ внимательно слушал.

— По-твоему, обязательно заставлять невинных страдать? — спросил у него капитан.

— Воин живет войной. Война живет страданием людей. Мы — воины, живем чужим страданием, — отчеканил новобранец.

«Должно быть, решил, что это какая-то проверка».

Удостоившийся личной аудиенции у командующего гвардией, новобранец гордился собой и охотно начал отвечать на вопросы, почти дословно пересказывая устав Карбоблона.

— Чужая смерть дает нам жизнь, — продолжил говорить Судзумэ. — В былые времена воины убивали своих врагов. Но для Объединенного Царства, лишённого внешних и внутренних конфликтов, в этом больше нет необходимости. Мы смогли избавиться от промежуточного звена между нами и смыслом нашего существования. Вороний пир — подлинная, лишённая покровов и лжи сущность страдания, самопожертвования и подвига.

«Увидел это и ворон. Захотелось ворону, чтобы сова выкрасила его в такой цвет, чтобы среди птиц не было ему равного...»

— Как насчет сострадания или милосердия? — продолжил капитан, увлекшись разговором. — Разве оно не является источником нашего существования?

— Милосердие, сострадание? Сострадание — это слабость, оно «разносит заразу страдания», — процитировал Судзумэ.

— Нет! — сквозь зубы прошипел Карасу и яростно стиснул кулаки. — Сострадание — это сила, возвышающая нас над животными! Зверь не может позволить себе сострадать. Животное способно заботиться лишь о защите себя и своего потомства...

Новичок расширенными от изумления глазами наблюдал за своим начальником.

— Мы — сильнее. Мы можем не только защитить себя, — выкрикнул Карасу, — у нас достаточно сил, чтобы защитить и сохранить все, что пожелаем. Милосердие может позволить себе только сильный. Оправданная жестокость и рационализм — удел трусов и ничтожеств!

— Твои слова... полностью противоречат идеям Карбоблона, — прошептал юноша.

Карасу задумался над тем, что обсуждали в его отсутствие Судзумэ и командующий гвардией. Не дал ли полковник тайный приказ новобранцу устранить своего опасного напарника, если тот выдаст себя бунтарем? Судзумэ напрягся, отступил на шаг и с заметным усилием заставил себя разжать кулак, сомкнутый на рукояти меча.

— Я не отрицаю необходимости существования гвардии, — проговорил Карасу. — Я лишь ставлю под сомнение наши методы.

— Не нам судить...

— Не нам судить, — подтвердил альбинос. — Но нам быть осужденными.

Судзумэ пожал плечами.

— Я не рассчитывал на то, что служение Свету будет легким или приятным делом.

— Отрицание Тьмы вовсе не значит служение Свету, — хмыкнул Карасу. — Оно значит только отрицание Тьмы.

— У вас очень интересная точка зрения, капитан.

Карасу помолчал и, тщательно обдумав ответ, тихо произнес:

— Я просто очень уставший человек.

«Поспешил ворон на встречу к сове...»

...У входа в рощу скорби лежали поросшие мхом плачущие камни. Окруженный их стонами и рыданиями, Карасу вошел в обитель мертвых.

Закутанная в грязный плащ сгорбившаяся фигура стояла у хурмы, чьи ветви вместо листьев укрывали человеческие волосы, грязными русыми прядями свисающие до земли. Дерево окружало мерцающее синеватое свечение, напоминающее болотные огоньки.

— Правда, что такие деревья вырастают там, где пролилась кровь воина, ставшего жертвой предательства?

— В таком случае, на месте города должен вырасти лес, — Карасу покачал головой.

Сова неловко вытянула деформированное крыло, на стиге которого выступала человеческая ладонь, и прикоснулась рукой к ветке хурмы.

— Это приносит неудачу, — предостерег Карасу.

— Я оставила тебе послание, потому что хотела поговорить откровенно.

Гвардеец равнодушно пожал плечами.

— У тебя всегда есть такая возможность, — напомнил он.

— Несмотря ни на что, ты прислужник Карбоблона.

— Кажется, я понимаю, зачем было назначать мне встречу здесь, — Карасу кивнул. — Ты захотела поговорить со мной в своем истинном облике, чтобы показать то, что нас разделяет?

— Прими и ты свой истинный облик, — попросила сова.

— Не выйдет. Любой мой образ одинаково ложный и истинный. Если ты желаешь говорить со мной — говори.

— Но...

— Никаких «но». Как сегодня мне сказал один старый друг: «если все зависит от точки зрения — любовь и ненависть просто две крайние формы самообмана». Если ты не можешь возненавидеть меня сейчас — не сможешь этого сделать никогда.

— Я вовсе не хочу ненавидеть тебя!

— Зачем тебе понадобилось устраивать это представление? — он похлопал рукой по сумке с костями. — Из окон Ями прекрасно видна наша штаб-квартира...

Сова отвернулась, спрятав под капюшоном уродливую голову.

— Чего ты хочешь добиться, уничтожив Карбоблон? — нахмурившись, спросил Карасу. — Тот знак разрушения, что ты начертила, вполне способен был оставить на месте здания раскаленную дыру.

— Я хочу... их всех убить!

Карасу вздохнул.

— Почему ты хочешь убить меня? — терпеливо спросил он.

— Не тебя! — взвизгнула Сова. — Только всех остальных!

— Я — один из них, — напомнил Карасу. — Я служу Свету.

— Свет или тьма, — Сова утробно рассмеялась. — Имеют смысл только во взаимном противоборстве. При победе одной составляющей ее цвет перестает иметь какое-либо значение.

— Не замечал раньше за тобой склонностей к высокопарным банальностям, — усмехнулся Карасу.

— Правда?

— Убийство — это не выход, — заметил Карасу. — Я видел достаточно смертей за свою жизнь. Все они ничего не изменили.

— Это... сильнее меня, — прохрипела Сова, — убийство и разрушение — часть моей сущности.

— Я знаю, — Карасу кивнул. — Именно поэтому был построен этот город. Вы поражены проклятьем Тьмы. Выпустить вас во внешний мир, где нет места жестокости и насилию — значит спровоцировать еще одну Великую Войну.

— Если бы вас интересовала чужая безопасность... — Сова затряслась, сдерживая смех. — Что стоит Карбоблону уничтожить город, стереть его с лица земли вместе со всеми обитателями?

— В таком случае, что будет отличать нас от посланников Тьмы? — осведомился Карасу.

— Нет... не так, — Сова завертела головой. Этот человеческий жест смотрелся очень нелепо в сочетании с ее чудовищным телом. — Что в таком случае будет отличать вас от простых смертных?

Карасу хмыкнул.

— Что станет делать Карбоблон? Его патриархи, великолепные воины, опытные оружейники, портные, которые шьют ваши мундиры... Существование огромного и сложного организма, названного в честь белых воронов, подчинено единственной цели — защите мира от порождений Тьмы.

Сова хрипло вздохнула.

— Их окончательное уничтожение станет гибелью для Карбоблона.

— Если завтра вас не станет, — Карасу усмехнулся, — я вздохну с облегчением и найду себе новое занятие.

— Что-то я не представляю тебя, капитан, подметающим улицы маленького мирного городка на морском побережье, — скептически заметила Сова. — Ты — воин, созданный и воспитанный чтобы убивать и видеть смерть. Как только завершится последний вороний пир, вы сами займете освободившееся место в стенах опустевшего города.

— То, что я спас тебя, разрушает эту стройную и логичную теорию, — хмыкнул Карасу. — Ты должна смириться с тем, что тебя спас гвардеец Карбоблона, твой смертельный враг.

— Оставаться в городе сейчас опасно, — предупредил он, — я позабочусь о том, чтобы ты смогла покинуть его границы. Но я не желаю больше слушать детоубийцу.

Он развернулся и зашагал прочь.

— Мы еще встретимся? — жалобно спросила сова.

— Тебе решать, — голос Карасу был лишен эмоций. — По какой-то необъяснимой причине все считают, что мир должен измениться по их прихоти, но при этом упрямо не хотят менять самих себя.

«Выкраси меня в цвет особый, чтобы ни с какой другой птицей спутать невозможно было...»

Карасу не успел миновать ограду, окружающую рощу скорби, когда услышал протяжный, полный отчаяния птичий крик. Он побежал назад к хурме, перепрыгивая через притихшие камни и укрытые свежими венками могилы. Сова, сжавшись, сидела на земле, окруженная тремя людьми в белых мундирах. В одном из них Карасу безошибочно признал своего нового напарника.

— Капитан! — удивленно воскликнул Судзумэ.

Карасу остановился, отбросил упавшие на глаза белые волосы и нахмурился.

— Вы опередили меня, — он отрывисто кивнул. — Как вы догадались, что искать стоит на кладбище?

— Разрытые могилы, — Судзумэ самодовольно улыбнулся. — Я вспомнил, что некоторые кости, которые вы подобрали, были слишком чистые и гладкие, — вероятно они долго пролежали в земле.

— Ясно, — рука Карасу невольно потянулась к поясной сумке.

— Не улетит? — Судзумэ осторожно обходил сову, наставив на нее меч.

— Сейчас оборотень может только перекинуться в человека, — капитан задумчиво наблюдал за другими гвардейцами.

Оборотень отступал, пока не уперся горбатой спиной в кирпичную стену кладбищенской ограды. Большая совиная голова с блестящими глазами-блюдцами завертелась, пытаясь найти выход из ловушки.

— Бежать некуда, — спокойно заметил Карасу.

— Позвольте мне убить его! — выкрикнул Судзумэ.

— Ее... — рассеянно поправил капитан.

Судзумэ непонимающе уставился на своего командира.

— Убить ее, — повторил Карасу.

В этот момент сова, взвизгнув, затряслась, сползла на землю, стремительно сбрасывая перья. Перед двумя гвардейцами сидела худая черноволосая девочка, кутаясь в коричневый плащ.

Фукуро посмотрела на брата и быстро заморгала.

Судзумэ занес меч над головой.

Карасу опустил руки, кончиками тонких пальцев погладил шершавую рукоять своего меча.

Судзумэ протяжно закричал...

«Выкраси мне лапы...»

...Тонкий клинок наискосок распорол его живот. Карасу перехватил рукоять, развернулся и широким взмахом меча полоснул по горлу напарника. Захлебываясь кровью, юноша осел на землю.

Двое других гвардейцев, оправившись от изумления, схватились за мечи.

«Выкраси мне крылья...»

Капитан отбил неловкий выпад, дал клинку противника соскользнуть по ровному лезвию его меча и упереться в круглую цубу. Карасу резко отпрянул назад, его рука выпустила меч, со звоном запрыгавший по мостовой. Сложив ладони знаком hrafna-klaer, он направил его на врагов. Тонкая алая линия, похожая на нить распустившегося узора, плетью хлестанула по гвардейцам, разрубая плоть и высекая кровь, забрызгавшую его белоснежный мундир.

«Голову и тело выкраси мои...»

Карасу сдул упавшее на нос окровавленное белое перышко. Поднял меч и краем плаща вытер с зеркального клинка черную кровь.

«Сердце и душу выкраси мои...»

Судзумэ лежал на земле, уставившись остекленевшими глазами в небо.

— Я говорил тебе, Судзумэ, только сильные могут позволить себе милосердие. Достижение уровня сверхчеловека лежит не через отрицание милосердия, — он поднял упавший на землю белоснежный плащ и накрыл им мертвого напарника. — Где теперь твоя философия эгоизма и жизнелюбия? Ты мертв, прагматичный и циничный зверь.

«Согласилась сова. Долго думала она над тем, как исполнить желание ворона. Наконец, решившись, посадила его в чан с самой лучшей черной тушью.

— Нет больше равного тебе среди птиц, — уверила ворона сова».

— Ты мертв, — повторил альбинос, — а я... люблю своего врага.

Он перевел взгляд на свои руки; рукава белого мундира стали черными от пропитавшей их крови.

— Горе всем любящим, еще не достигшим такой высоты, которая выше сострадания их, — пробормотал Карасу.

«Обрадовался ворон. Из дома совы поспешил он к зеркалу, желая увидеть, в какой цвет его выкрасили...»

...Он схватил девочку за руку и потащил ее за собой, переходя на бег. Мимо них замелькали деревья, дома, щурящиеся разбитыми окнами, фонарные столбы, тонкие и ребристые, как отрубленные паучи лапы, и тени, тени, тени...

«Посмотрел ворон на свое отражение и ужаснулся. Нельзя разобрать было даже где глаза, где клюв!»

Они выбежали на перекресток, в центре которого возвышался бронзовый монумент: закутанная в тяжелые одеяния женская фигура, скорбно склонившая голову.

— Зачем ты это сделал?! — закричала Фукуро, оправившись от потрясения.

Карасу толкнул ее к постаменту. Девочка сильно ударилась спиной о твердый камень, вскрикнула и испуганно посмотрела на брата.

«Разозлился ворон и накинулся на сову с обвинениями...»

— Зачем?.. — шепотом повторила девочка.

— Мне захотелось узнать... — он помолчал, пытаясь подобрать слова.
— Узнать... насколько мы те, кем были созданы по чужой воле. Если я могу измениться — ты тоже сможешь.

— Дурак! — Фукуро ударила его кулачком по плечу. — Мы ничего не можем изменить!

«Ты ведь сам хотел, чтобы я тебя выкрасила в небывалый цвет, какого нет ни у одной больше птицы!»

— Та сказку, которую ты читала... — Карасу зажмурился. — Мне стало любопытно... какого был ворон цвета, до того как побывал в совином чане с тушью?

Фукуро недоуменно посмотрела на него.

Карасу улыбнулся и, наклонившись, прошептал ей на ухо:

— Ворон был черный. Но не удосуживался посмотреть в зеркало и увидеть это. Он столкнулся со своей сущностью только после того, как попытался её изменить.

«Погоди же, погоди! Теперь мы кровные враги! — злобно закаркал ворон. — Я тебе отомщу!»

Страшное эхо, повисшее в воздухе с гибелью Судзумэ, наконец, достигло штаб-квартиры. Карасу почувствовал волнение, охватившее его собратьев — в небе над ними замелькали тени. Одинокие вороны, слетая с крыш домов, покидали насиженные места и теплые гнезда.

— Уходи, — коротко бросил гвардеец.

— Карасу!

— Беги отсюда! — выкрикнул он.

— Нет! — Фукуро вцепилась в его рукав. — Я тебя не брошу!

Стая, как бурный поток вырвавшейся из русла реки, петляла по порфиловому желобу городских улиц, неотвратимо приближаясь к своей жертве. В мелькании вороньих крыльев и непрерывном карканье Карасу видел развевающиеся знамена Карбоблона и завывания медных боевых труб.

Гвардеец рассмеялся, развел руки, окутанные вспышками алого огня. Вороны ускорили полет, готовясь снести его со своего пути и продолжить погоню.

Карасу сорвал поясную сумку и вытряхнул ее содержимое, одновременно вытягивая сложенные знаком разрушения руки в сторону хищной стаи.

— Умрите! — приказал Карасу.

...По камням мостовой застучали, вывалившись из сумки, белые кости вороньих птенцов.

«С тех пор сова уже не летает при солнечном свете. Бойтся сова мести ворона — оттого и прячется днем».